

Юзмухаметова Ландыш Нургаяновна

ПРИЕМЫ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА В ПРОЗЕ МАНСУРА ВАЛИЕВА

В данной статье рассматриваются особенности проявления приемов сентиментализма в национальной прозе. Природа данного явления раскрывается в ходе анализа повести современного татарского писателя М. Валиева "Идел яры" ("Берег Волги"). Автор статьи делает попытку теоретической оценки содержания тех или иных приемов, использованных писателем, а также их роли в развитии национального литературного процесса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 1. С. 43-45. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

посреди ночи к себе. Так автор делает акцент на выхолащивании родственных отношений между самыми близкими людьми. Черствость душ родных людей – вот что погубило добрую Чегесь. А зло (т.е. железная мялка), выпущенное старушкой, уничтожило не только невестку, но и саму старуху – источник этого зла. Этим действием поэт настаивает на неотвратимости часа расплаты за намеренное злодеяние.

Итак, по К. Иванову, зло, направленное против незыблемых законов духовного мира, ведет к самоуничтожению материального мира. Для автора произведений «Нарспи», «Раб дьявола», «Железная мялка», «Две дочери» родственные и человеческие отношения между людьми являются эталоном добродетели духовной сферы. В приведенных нами выше произведениях поэт показывает, что духовный мир всегда находится в равновесии, и только ему подвластно управлять человеческим миром. Даже если по недоброй воле людей совершается что-то, противоречащее канонам мироздания, то все равно силы духовного мира рано или поздно приведут земной мир к ранее установленному равновесию, пусть бы даже ценою жизни самих людей.

Список литературы

1. Александров С. А. Поэтика Константина Иванова: вопросы метода, жанра, стиля. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 192 с.
2. Артемьев Ю. М. Нарспи пек ватӑлми поэтӑн сӑн-сӑпачӑ // Чӑн тӑпере сич сӑлтӑр: критикаллӑ статьясем. Шупашкар: Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2010. С. 5-64.
3. Иванов К. В. Сӑрнисен пуххи. Шупашкар: Чӑваш кӑнеке изд-ви, 1990. 256 с.
4. Осипов Н. Н. Образ читателя (слушателя) в поэме «Нарспи» К. В. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 1 (55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 45-48.
5. Родионов В. Г. История и перспективы развития Нарспианы // Ашмаринские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 3-7.
6. Родионов В. Г. К. В. Иванов хайлавӑсен пултарулаӑхла историйӑ // Константин Васильевич Иванов: тӑпчев ӗҫӑсем. Шупашкар: Чӑваш патш. ун-чӑ, 2000. С. 25-57.
7. Чекушкина Е. П. Своеобразие представления концепта солнца в поэме «Нарспи» // Современная Нарспиана: итоги и перспективы: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 179-185.

THE REFLECTION OF THE CONFLICT OF HUMAN AND SPIRITUAL WORLDS IN THE WORKS BY K. IVANOV

Chekushkina Elena Petrovna, Ph. D. in Philology
I. N. Ulyanov Chuvash State University
enarpi@mail.ru

The article reveals the peculiarities of the conflict of human and spiritual worlds in the works by K. Ivanov. Analyzing such works as “Narspi”, “Slave of the Devil”, “Iron Breaker” the paper observes that the conflict happens more frequently among the closest people and ends in tragedy. The paper emphasizes the fact that in the works by K. Ivanov the spiritual world is always in balance; only it has the power to rule the human world, and the attempt to make settled human canons unsteady by all means leads to an unhappy outcome.

Key words and phrases: Konstantin Ivanov; the poem “Narspi”; the ballad-parable “Iron Breaker”; the tragedy “Slave of the Devil”; spiritual world; human world.

УДК 821.51:82-1/-9

В данной статье рассматриваются особенности проявления приемов сентиментализма в национальной прозе. Природа данного явления раскрывается в ходе анализа повести современного татарского писателя М. Валиева «Идеӑ яры» («Берег Волги»). Автор статьи делает попытку теоретической оценки содержания тех или иных приемов, использованных писателем, а также их роли в развитии национального литературного процесса.

Ключевые слова и фразы: современная татарская проза; творчество Мансура Валиева; неосентиментализм; художественный прием; орнаментальный стиль; национальный литературный процесс.

Юзмухаметова Ландыш Нургаяновна, к. филол. н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Land_yz@mail.ru

ПРИЕМЫ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА В ПРОЗЕ МАНСУРА ВАЛИЕВА

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-14-16010).

В современном татарском литературоведении в последнее время все чаще и смелее обращаются к новым явлениям и приемам, которые заметны в художественном процессе, влияют на магистральное направление

национальной литературы. Сегодня такие термины, как модернизм в различных его проявлениях, постмодернизм не вызывают особого непонимания или неприятия, хотя и остается много вопросов, недосказанного, а порой даже критики со стороны отдельных ученых. Вместе с тем татарская литература, сформировавшаяся как светская литература под сильным влиянием восточных и западных литератур и в которой со времен средневековья одной из особенностей определяется синтетизм [2, с. 18-39], отличается склонностью к экспериментам и художественным исканиям. Поэтому и в современном литературном процессе заявляют о себе произведения, которые можно было бы рассматривать в рамках таких явлений, как неосентиментализм, неореализм или постромантизм. Так, в данной статье ставится задача анализа повести современного прозаика М. Валиева «Идел яры» («Берег Волги»), в которой наблюдается возрождение традиций классического сентиментализма.

Сентиментализм – «одно из основных, наряду с классицизмом и рококо, художественных течений в европейской литературе 18 в.» [4, стлб. 960]. В произведениях, отвечающих требованиям классического сентиментализма, чувства-переживания становятся объектом изображения; разум, а не чувство утверждается основой человеческой природы; наблюдаются нравочительство, исходящее из природной сущности человека, разделение добра и зла; противопоставление природы и городской жизни, акцент на уничтожение гуманизма цивилизацией; изображение низшего сословия, маленьких людей, идеализация патриархального быта; обращение к таким композиционным приемам, как обмен письмами и дневник; схематизм в изображении и др. [7, б. 170].

В русской литературе сентиментализм связывают с творчеством Н. Карамзина, А. Измайлова и В. Жуковского [Там же]. Как отмечают отечественные ученые, «во второй половине XVIII в. сентиментализм способствовал широкому распространению средних жанров, включая путевые записки, в общелитературном пространстве» [6, с. 170]. В татарской же литературе данное явление можно увидеть только в начале XX века в отдельных произведениях М. Гафури, Г. Камала, М. Файзи, К. Тинчурина и Г. Исхаки [7, б. 170] параллельно с реализмом и романтизмом европейского типа.

В конце XX века основные приемы сентиментализма вновь возвращаются в татарскую прозу, об этом свидетельствуют некоторые произведения М. Валиева, М. Галиева, Ф. Яруллина и Ф. Садриева [Там же, б. 170-171]. Относительно этих произведений мы считаем возможным употребление термина «неосентиментализм», что знаменует возвращение вовсе не чуждого национальной литературе феномена.

В повести «Идел яры» («Берег Волги») присутствуют многие атрибуты сентиментализма. Весомым аргументом в пользу данного утверждения является то, что произведение имеет три составных элемента: события, запечатленные в памяти главного героя (которые переживаются вновь и вновь), в его дневнике (открытое проявление чувств) и «сегодняшние» глубокие переживания. Все перечисленные линии заявляют о присутствии мощного сентиментального начала в произведении.

Главный герой повести – романтик до глубины души Ильсур рассказывает о событиях своей молодости (60-е гг. XX века): о прекрасной чистой любви, которой не суждено было превратиться в нечто большое, о своей родной деревне и ее кладбище, которые были затоплены ради реализации очередного грандиозного плана руководителей страны – строительства ГЭС, и о людях, вынужденных разобрать свои дома и покинуть родную землю. Темы любви и красоты родной земли, близости к природе играют основную роль в формировании идейно-смыслового содержания текста.

Примечателен в тексте повтор слова «искоренение», на это обращает внимание и Д. Загидуллина в анализе произведения. Данное понятие используется и по отношению к вынужденно переселенным из родной земли жителям, и к молодым, уехавшим учиться в город, и к любви в письме Лайсиры: слово становится ключевым [3, б. 252]. «Искоренение» деревни-народа, по мнению главного героя, может быть заранее запланированным темным делом тоталитарного режима. События, связанные с уничтожением кладбища, приводят к следующему умозаключению: *«Безнең яшиү әжирлегебезне тартып алу, тамырыбызны кисү ич бу! Халык өчен, милләт өчен иң зур фаҗига лабаса бу хәл!»* [1, б. 14]. / *«Это же лишение нас места жительства, уничтожение наших корней! Ведь это самая большая трагедия для нашего народа, нации!»*. (Здесь и далее перевод наш – Л. Ю.)

Потеря первой любви и родной земли являются причиной глубокой тоски, незаживающей раны в сердце главного героя. С одной стороны, эти события объясняются судьбою («*“Яшиү” дигән хикмәтнең без аңлап җитмәстәй үз кануннары бар һәм ул безнең йөрәкләрдәге хисләр, кичерешләр белән исәпләшергә бик ук яратып бетерми бугай, күрәсең*» [Там же, б. 66] / «У понятия “жизнь” есть свои, порой непонятные для нас, каноны и, видимо, ему не нравится считаться с чувствами, переживаниями, живущими в нашем сердце»), с другой, потеря родной земли описывается как трагедия: люди, некогда покинувшие родную деревню по тем или иным причинам, в конечном итоге погибали от несчастного случая или заканчивали жизнь самоубийством. Животрепещущим выглядит образ отца главного героя, который, говоря о доме, построенном собственными руками, вздыхает: *«Үз кулларым белән сүтә алмыйм мин моны!»* [Там же, б. 6]. / *«Я не могу это разобрать своими руками!»*.

Здесь же необходимо говорить о том, что, по мнению автора, в современном мире человек оторван от земли, он развивается не по естественному пути, поэтому несчастен. Ведь ставка делается на город с его удобствами и материальными богатствами, тем временем *«истинная ценность человека, его истинная драгоценность – это красота души...»* [Там же, б. 54], а это дает только деревня, которая является *«настоящей земной жизнью»* [Там же, б. 53] с настоящей духовностью. Данная идея дает о себе знать на протяжении всего текста: *«Хәзер адәм баласы үзен әжиргә бәйләгән энә шул тамырның кадерен, аның яшәеш өчен мөһимлеген ныклап аңлап бетерә алмый, ахрысы <...> Әле һаман үзен әжиргә, туфракка бәйләгән тамырларын – ныклык*

Һәм тотрыктылык тамырларын өзә бара ул. Ахмакларча!» [Там же, б. 56] / *«Сейчас человек вроде бы недооценивает, недопонимает важность для жизни корней, которые привязывают его к земле <...> Он до сих пор продолжает рвать корни стойкости и стабильности, которые связывают его с землей».*

Романтик Ильсур, влюбленный в музыку и книги, умеет видеть невероятную красоту природы: *«Һай, ул сандугачның өздерүе! Гүяки ул берүзе менә шушы бөтен жиһанга баиш булып калган да, гүяки ул менә хәзер берүзе бөтен дөнья өчен ялгызы гына искиткеч концерт бирә! Гүяки ул – дөньядагы бердәнбер һәм иң бөек солист!»* [Там же, б. 9]. / *«Как же выразительно поет соловей! Будто бы он остался один главным на весь этот мир, будто он один сейчас дает восхитительный концерт всему миру! Будто он единственный и самый великий солист на земле».* Деревня, которая так близка к природе, а значит – к нашей сущности, которая является колыбелью нации, превозносится автором на уровень сакрального места. Уничтожение этого места приводит к уничтожению нации, а в более глобальном масштабе – Человека. В этом контексте проза М. Валиева созвучна с орнаментальной прозой М. Магдеева [5], который так тонко писал о татарской деревне, тосковал по ней и понимал ее значимость для нации и отдельно взятого человека.

В воспоминаниях главного героя есть нежное, трепетное отношение к любви своей молодости (*«Мин аңа күп вакытта тугырым карарга да ояламын, ә инде ниндидер бер эчке кыенсынуымны жиңеп аңа бер текалеп карыйм икән – ул чагында озак, бик озак күземне ала алмый торам мин аннан»* [1, б. 8] / *«Я часто даже стесняюсь смотреть ей прямо в глаза, а если и отважусь на это, тогда не могу долго отвести взгляд от нее»*), боль из-за несбывшихся надежд (*«Хәер, Идел ярын үзен дә су басты, су каплады бит инде хәзер!»* [Там же, б. 66] / *«Хотя берег Волги и сам ведь уже затоплен»*) и восхищение той прекрасной порой (*«Әй ул бәхетле минутлар... Әй ул чәйнең тәмлекләре! Әй ул кичне безнең куышта оҗмах фәрештәсенә кинәнә-кинәнә канат кагуы!»*) [Там же, б. 29] / *«Эти счастливые минуты... Этот вкусный чай! Это райский ангел, радостно махающий крыльями в нашем шалаше»*), и благодарность (*«Мин инде озак еллардан соң энә шул минутлар өчен Ходайга чиксез рәхмәтләремне укып утырам»* [Там же] / *«Я уже после долгих лет обращаюсь с благодарственными молитвами к Богу за эти минуты»*), и тоска (*«...ә мин исә ялгызлык минутларында энә шул онытылмас хатның бәгырьгә уелып калган сүзләрен яңадан-яңадан күңелемнән үткәрәм!»* [Там же, б. 65] / *«...а я в минуты одиночества вновь и вновь провожу через душу глубоко запечатленные в памяти слова из того забываемого письма»*). Вся эта палитра чувств удивительно гармоничным образом переплетается в душе главного героя, на этом держится весь сюжет, идейно-композиционный замысел автора. Передача чувств усиливается через введение в текст отрывков из народных песен, которые несут в себе многовековую народную скорбь о потерях и несбывшихся мечтах: *«Китәсе килеп китмимен, Туган җирдән кем туйган?!»* [Там же, б. 23] / *«Ухожу не по своей воле, Кому же родина надоест?!»*.

Проанализированная нами повесть является ярким образцом лирической прозы, написанной с использованием приемов классического сентиментализма. Эти приемы, по нашим наблюдениям, способствовали формированию в татарской прозе 1980-х гг. орнаментального стиля.

Список литературы

1. Вәлиев М. Х. Идел яры: повестьлар, новеллалар, хатирәләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. 461 б.
2. Загидуллина Д. Ф. Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. 207 с.
3. Загидуллина Д. Ф. Яна дулкында (1980-2000 еллар татар прозасында традицияләр һәм яңачалык). Казан: Мәгариф, 2006. 256 б.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стлб.
5. Мәһдиев М. С. Торналар төшкән жирдә: лирик повесть. Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. 224 б.
6. Тополова О. С. Светские путевые записки и литературные направления второй половины XVIII века: к вопросу о соотношении сентиментализма и предромантизма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. 1. С. 169-172.
7. Әдәбият белеме. Терминнар һәм төшенчәләр сүзлеге. Казан: Мәгариф, 2007. 231 б.

SENTIMENTALISM TECHNIQUES IN MANSUR VALIEV'S PROSE

Yuzmukhametova Landysh Nurgayanovna, Ph. D. in Philology
Kazan (Volga region) Federal University
Land_yz@mail.ru

The article examines the specific of manifesting sentimentalism techniques in the national prose. The nature of this phenomenon is discovered during the analysis of the story by the modern Tatar writer M. Valiev "The Volga shore". The paper aims to evaluate theoretically the content of the certain devices used by the writer and their role in the development of the national literary process.

Key words and phrases: modern Tatar prose; M. Valiev's creative work; neo-sentimentalism; artistic device; ornamental style; national literary process.